

дении сознания и общественной активности трудящихся женских масс значительную роль сыграли кампании в честь революционных праздников, годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, Международного дня солидарности трудящихся 1 Мая и особенно Международного женского дня 8 Марта. Уже к началу 1930-х гг. женщины народов Востока — активные труженицы в промышленном производстве и на колхозных полях; они становятся участницами социалистического соревнования по поднятию производительности труда.

Раскрепощение женщины-мусульманки — это одна из героических страниц в летописи народов бывших национальных окраин России, в летописи Коммунистической партии Советского Союза. Особенно хочется отметить роль славных бойцов, русских женщин-коммунисток, в трудные годы классовых сражений возглавивших борьбу за общечеловеческие права женщин народов Востока.

М. Н. Губогло

ДВУЯЗЫЧИЕ У НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ВЬЕТНАМ: ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Четыре десятилетия тому назад — 2 сентября 1945 г. — на площади Бадинь в Ханое на митинге, в котором участвовал почти миллион человек, Хо Ши Мин огласил «Декларацию независимости», возвестившую об образовании Демократической Республики Вьетнам.

1985-й год вообще богат юбилеями в жизни братского вьетнамского народа. 3 февраля 1985 г. трудящиеся СРВ и СССР широко отметили 55-летие со дня принятия решения о создании Коммунистической партии Вьетнама. В марте исполнилось 50 лет со времени работы I-го съезда Коммунистической партии Индокитая. 30 апреля минуло десятилетие с того момента, когда в Сайгоне над резиденцией бывшего президента марионеточного режима взвился флаг революции, символизирующий завершение 30-летней освободительной войны. Победа в этой войне положила конец колониальному господству и открыла путь народам объединенного Вьетнама к социализму.

Состоявшиеся в декабре 1976 г. IV и в марте 1982 г. V съезды КПВ разработали важнейшие задачи строительства материально-технической базы социализма и укрепления обороны СРВ.

Сейчас, накануне VI съезда КПВ, который намечено провести в середине 1986 г., в СРВ уделяется большое внимание конкретизации генерального курса экономической и социальной политики партии в условиях перехода к социализму. Естественно, немалое внимание уделяется и национальной политике. В конечном счете цель компартии и правительства СРВ заключается в обеспечении условий для ускоренного перехода национальных меньшинств страны от вековой отсталости к социализму.

Отношения между национальностями оказывают немаловажное влияние на характер и темпы экономического, политического и духовного развития многонационального вьетнамского общества. В связи с этим партия считает необходимым строго учитывать национальные, в том числе национально-языковые, аспекты при разработке планов прогрессивного развития как страны в целом, так и отдельных ее районов в соответствии с многообразными конкретно-историческими и географическими условиями.

В осуществлении коренных задач национальной политики, в достижении «полного равноправия всех национальностей, в создании необхо-

димых условий для устранения причин различий в уровне развития экономики, культуры малых и больших народов и народностей, чтобы горные районы в своем развитии догоняли равнинные, чтобы все национальности жили в достатке и счастье, всесторонне развивались, сплачивались, помогали друг другу идти по пути прогресса, совместно выступая в качестве хозяина социалистической Родины»¹, видное место, как отмечалось на IV съезде КПВ, принадлежит решению национально-языковых проблем. Необходимо прежде всего создать условия для развития родных языков национальных меньшинств и распространения среди них вьетского языка как языка межнационального общения и формирования на этой двуединой основе национально-вьетского двуязычия. Проведение национально-языковой политики требует от КПВ и правительства страны компетентного и умелого учета и использования всей совокупности объективных и субъективных факторов этноязыкового развития народов. Анализу этих факторов и их роли в жизни многоязычного вьетнамского общества, в развитии современных общественных процессов, в ходе которых решаются конкретные вопросы перехода страны к социализму, и посвящена данная статья.

Предпринятый анализ необходим для того, чтобы более полно выявить экономические, политические, идеологические и все остальные внеязыковые и собственно языковые рычаги управления процессами распространения и функционирования национально-вьетского двуязычия. Надо сказать, что в СРВ уже накоплен значительный опыт в осуществлении конкретных мер, связанных с разработкой, совершенствованием и распространением письменностей и расширением общественных функций языков мяо, тхай, тай и нунг². В последние годы наметились серьезные позитивные сдвиги (особенно в северных районах Вьетнама, населенных национальными меньшинствами) в приобщении невьетских народов к вьетскому языку. Предпринимаются исследования с целью создания оптимальных условий взаимодействия родных языков и языка межнационального общения. В законодательных актах специально подчеркивалось, что язык национального меньшинства и государственный язык (вьетский) в равной степени могут применяться в административной и пропагандистской работе³.

Этносоциологические исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом этнографии Комитета Общественных наук СРВ в северных провинциях Вьетнама в 1980—1983 гг., показали, что на складывание и развитие различных типов двуязычия одни и те же факторы действуют с неодинаковой силой. Более того, обнаружили существенные различия в степени воздействия объективных и субъективных факторов на развитие этноязыковой жизни национальных меньшинств.

Так, например, представители невьетских народов, отвечая на вопрос: «Если Вы знаете вьетский язык, то укажите, где Вы им овладели?» — назвали в основном семью, работу, межличностное общение, службу в армии, учебу в школе и в других учебных заведениях.

При этом для всех опрашиваемых влияние школы было сильнее, чем какого-либо другого фактора, а для тхай и мыонг — даже сильнее воздействия всех остальных факторов вместе взятых (см. табл. 1).

В целом факторы распространения вьетского языка среди национальных меньшинств СРВ можно объединить в две группы. Под влиянием факторов первой группы — межличностное общение в семье, на работе, в районе проживания — знание второго языка приобреталось совершен-

¹ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. Ханой, 14-го декабря 1976 г. М.: Политиздат, с. 121—122.

² См., например: Хоанг Туе, Нгуен Ван Тай, Хоанг Ван Ма, Лун Ван Пао, Буи Кхань Тхе. Языки малых народов во Вьетнаме и языковая политика. Ханой, 1984 (на вьет. языке).

³ Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и управления Демократической Республики Вьетнам, Корейской Народно-Демократической Республики и Монгольской Народной Республики. (Сборник документов). М.: Госюриздат, 1960, с. 41.

Основные факторы распространения вьетского языка среди национальных меньшинств северных провинций СРВ (по данным этносоциологического опроса, в %)

Народ	Способ освоения вьетского языка					
	традиционный				современный	
	в семье	на работе	в процессе общения в районе проживания	в армии	в школе	в техникуме, вузе
Тай	40,1	24,2	9,1	2,2	50,5	1,8
Нунг	21,0	26,9	15,1	1,9	52,4	3,1
Тхай	12,4	5,1	31,2	1,4	59,5	—
Мыонг	3,9	5,7	24,5	1,3	73,3	—

но естественно, стихийно. Будем называть условно эти факторы коммуникативными, а способ усвоения вьетского языка под их воздействием — традиционным или коммуникативным. Этот способ обеспечивает знание главным образом народно-разговорной формы инонационального языка. Вторая группа факторов, связанная с системой народного образования (школа, средние и высшие учебные заведения), обеспечивает овладение вторым языком, причем литературной его формой, как правило, в организованном порядке. Этот второй способ можно, также не без доли условности, именовать современным (или школьным, учебным, школьно-учебным), так как до Августовской революции приобщение невьетских национальностей к вьетскому языку через систему школьного образования не имело места по той простой причине, что в горных районах, населенных национальными меньшинствами, не было самих школ.

Соответственно этими двумя способами — традиционным (коммуникативным) и современным (школьным) — происходило освоение инонационального языка в двух разных формах его существования: народно-разговорной и литературной. Конечно, такое разделение тоже не лишено условности. Действительно, даже в общеобразовательной школе параллельно с освоением литературного языка приобретаются навыки устной речи и, напротив, предварительное овладение народно-разговорной формой инонационального языка существенно облегчает освоение его письменности, навыков чтения и письма. Нередко даже в самом процессе семейного общения вместе с приобретением второго языка осваивается и письменность.

Словом, выделенные здесь два канала распространения второго языка и соответствующие им две формы существования языка не следует абсолютизировать, разделять непреодолимой преградой. В жизни они чаще всего взаимосвязаны и дополняют друг друга. Важно подчеркнуть другое. Соотношение между традиционным и современным способами овладения вторым языком было неодинаковым в разные периоды истории.

Народно-разговорная форма инонационального языка приобретается, как уже отмечалось, преимущественно естественно, или вероятностно-стохастическим способом, в том смысле, что никто не планирует ни сам процесс, ни программу, ни средства изучения второго языка. Речевые навыки в межнациональных контактах складываются сами по себе. Разумеется, для удовлетворения потребностей в знании литературного языка традиционного способа явно недостаточно.

В конце 1970-х — первой половине 1980-х годов, как уже подчеркивалось, обе группы факторов — традиционных и современных — действовали комплексно, хотя проявление характера самой комплексности также варьировало в зависимости от разных обстоятельств, в том числе от особенностей этноязыковой ситуации.

Так, у тай и нунг традиционные факторы в какой-то степени преобладали над современными или были приблизительно равнозначными, а у тай и мыонг, напротив, школьный фактор доминировал. Выяснилось,

Таблица 2

Национальный состав семей у невьетских народов в северных провинциях Вьетнама (по данным этносоциологического опроса, в %)

Народ	Состав семьи	
	однациональный	национально-смешанный
Тай	86,7	13,2
Нунг	93,6	6,3
Тхай	95,3	4,6
Мыонг	92,0	7,9
Кинь	90,7	9,2

что вьетским языком в процессе семейных и производственных общений овладели 64,3% тай, 47,9 нунг и всего лишь 17,5 тхай и 9,6% мыонг (см. табл. 1).

Как показали этносоциологические исследования, тай-вьетское и нунг-вьетское двуязычие в отличие от тхай-вьетского формировалось не только под воздействием обычных для современных условий внешних (внеязыковых и внеэтнических) факторов, но и в немалой мере вследствие внутренней регенерации, т. е. воспроизводства двуязычия уже на своей собственной основе. Можно полагать, что в 60—70-е годы национально-вьетское двуязычие родителей в семьях у тай и нунг передавалось детям почти так же естественно, как передается язык своей национальности. Чтобы убедиться в справедливости этого предположения, а заодно и полнее раскрыть роль семьи в межпоколенной трансмиссии национально-вьетского двуязычия, достаточно сравнить распространённость такого двуязычия в различных возрастных группах национальных меньшинств. Предварительно отметим, что в начале 80-х годов в распространении вьетского языка у тай значительной разницы между «молодежью» и «стариками» уже не было, в то время как у тхай лиц со знанием вьетского языка среди молодежи было в 1,5 раза больше, чем среди лиц 50-летних и старше.

Таким образом, широкое развитие современных этноязыковых процессов охватило у тай и нунг даже такую относительно устойчивую для проникновения инонационального языка сферу жизни, как семейно-бытовое общение. И семья, выступающая обычно у малых народов цитаделью использования языка своей национальности, сама начала играть определенную роль в межпоколенной трансмиссии национально-вьетского двуязычия. Предположение, что национально-вьетское двуязычие воспроизводится в семейно-бытовой сфере из-за большого удельного веса национально-смешанных семей или из-за межпоколенного несовпадения национальностей детей и отцов, не подкрепляется данными этносоциологических исследований. У тхай и мыонг, как выяснилось, вообще не существует межпоколенной разницы в национальной принадлежности членов одной и той же семьи. Что касается остальных невьетских народов, то у 98% нунг и 95% тай национальность «родителей» и «детей» одна и та же. Если к сказанному добавить, что удельный вес национально-смешанных браков весьма невелик среди национальных меньшинств (см. табл. 2) и что, следовательно, гетерогенность семейного состава не служит причиной межпоколенной передачи национально-вьетского двуязычия, остается допустить, что у тай и нунг оно регенерируется в семье. К тому же на рубеже 70—80-х годов масштабы реального двуязычия, т. е. употребление двух языков в речевой деятельности, у тай и нунг были гораздо шире, чем, например, у тхай. Вьетская речь, в частности, звучала в домашнем общении многих семей у тай, в то время как у тхай дома практически не говорили по-вьетски. Не менее разителен был контраст между этими народами и в сфере их производственных коммуникаций. Только по-вьетски, или же чередуя вьетскую речь с речью на языке своего народа, на работе разговаривали более половины всех тай (53,4%), в то время как у тхай аналогичная модель речевого поведения

была распространена в 4,6 раза меньше и охватывала всего 11,6% лиц, занятых в производстве.

Приведенные данные свидетельствуют и о том, что существование реального двуязычия как в семейной, так и в производственной сферах создавало дополнительные благоприятные условия для дальнейшего расширения современных этноязыковых процессов. Активизация этих процессов с особой силой проявлялась среди тех национальных меньшинств, у которых, во-первых, согласованно, в одном и том же направлении, позитивно «работали» и традиционные и современные факторы распространения вьетского языка и, во-вторых, когда повышение языковой компетенции стимулировалось повседневной речевой практикой, а расширение рамок речевого поведения, в свою очередь, повышало уровень языковой компетенции.

Важную роль в становлении национально-вьетского двуязычия играет та конкретная этноязыковая ситуация, в которой формируется потребность в знании и употреблении двух языков. И вполне естественно, что роль коммуникативных факторов в иноэтничной среде возрастает. Закономерно, в частности, что на распространение вьетского языка среди нунг, проживающих в моноэтничной среде, воздействие всех коммуникативных факторов вместе взятых было слабее воздействия школьно-учебных факторов, а у тай в аналогичной ситуации первые были весомее вторых лишь в 1,5 раза.

Соотношение между коммуникативными и школьно-учебными факторами в их воздействии на ход этноязыковых процессов в Северном Вьетнаме после Августовской революции и особенно после первой Войны Сопротивления (1945—1954 гг.) изменилось весьма существенно.

Для характеристики этого явления необходимо отметить, что школа в качестве фактора распространения вьетского языка играла далеко не одинаковую роль в жизни разных поколений невьетских народов. Об этом красноречиво говорят данные о числе грамотных и неграмотных среди национальных меньшинств Северного Вьетнама. К концу 70-х годов удельный вес неграмотных среди лиц пожилого возраста (50 лет и старше) был выше, чем среди молодежи (18—29 лет) у тай в 21 раз, у нунг — в 9, у тхай — в 2,7 раза, у мьонг — в 47 раз.

Значительные межпоколенные различия наблюдались у невьетских народов и по масштабам распространения образования. Так, среди молодежи в возрасте 18—29 лет преобладали в основном лица, окончившие 3—7 классов (от 60,3% у тхай до 84% у мьонг и тай), у представителей среднего поколения в возрасте 30—49 лет значительным был удельный вес окончивших 1—6 классов (от 53% у тхай до 76% у мьонг), и, наконец, среди 50-летних и старше примерно половина была неграмотных (у нунг и тхай даже больше) и 20—31% имели образование 1—4 класса (см. табл. 3).

Приведенные данные позволяют с относительно высокой степенью вероятности определить роль школьно-учебного фактора в сочетании с ролью остальных факторов в распространении вьетского языка среди малых народов Северного Вьетнама на различных этапах как накануне, так и после Августовской революции.

У старших поколений всех без исключения невьетских народов, судя по данным начала 1980-х годов, приобщение к вьетскому языку происходило в свое время преимущественно традиционным (коммуникативным) путем. Число лиц, овладевших вьетским языком традиционным способом, значительно превышало число лиц, усвоивших этот язык современным способом, — у нунг, например, в 9 раз, у тай — в 7,3, у тхай — в 4,6, у мьонг — в 1,3 раза.

У невьетских народов среди лиц 30—49-летнего возраста, во-первых, резко уменьшилось характерное для старшего поколения (50 лет и более) преобладание традиционных факторов над современными, а во-вторых, усилилась дифференциация между самими народами по соотношению каждой группы факторов, детерминирующих распространение вьетского языка и экстенсивное развитие этноязыковых процессов. В резуль-

Таблица 3

Уровень образования в различных возрастных группах национальных меньшинств в северных провинциях СРВ (по данным этносоциологического опроса, в %)

Народ, возраст (лет)	Неграмотные	Умеют читать и писать	Имеют образование (классов)					Среднее специальное
			1—2	3—4	5—6	7	8—10	
<i>Тай</i>								
18—29	2,0	0,6	4,2	12,6	24,5	46,7	7,2	3,0
30—49	3,4	8,1	20,3	36,5	10,8	15,5	4,7	0,7
50 и старше	41,3	19,2	15,6	15,6	3,0	3,6	1,8	—
<i>Нунг</i>								
18—29	7,1	2,2	6,0	34,8	17,9	22,3	9,2	0,5
30—49	31,0	7,0	23,4	19,6	12,0	5,0	1,3	0,6
50 и старше	65,1	11,9	6,3	13,5	1,6	1,6	—	—
<i>Тхай</i>								
18—29	25,4	2,1	11,6	36,0	11,6	12,7	0,5	—
30—49	33,1	6,5	18,7	28,8	5,8	5,8	—	1,4
50 и старше	68,4	7,6	13,4	7,6	2,3	0,6	—	—
<i>Мьонг</i>								
18—29	1,1	0,6	8,0	33,9	23,0	27,0	5,7	0,6
30—49	7,9	7,9	27,5	32,6	16,3	7,9	—	—
50 и старше	51,7	13,2	21,2	8,6	4,0	1,3	—	—

Таблица 4

Факторы овладения вьетским языком в различных возрастных группах национальных меньшинств северных провинций СРВ (по данным этносоциологического опроса, в %)

Народ, возраст (лет)	Овладение вьетским языком					всего
	в школе	в процессе общения, в том числе				
		в семье	на работе	в местах проживания	в армии	
<i>Тай</i>						
18—29	80,7	28,3	19,9	1,8	1,8	51,8
30—49	56,6	39,2	26,6	5,6	1,4	72,8
50 и старше	14,6	53,5	28,7	20,4	3,8	106,4
<i>Нунг</i>						
18—29	81,9	15,2	16,4	2,8	1,7	36,1
30—49	45,4	25,5	33,3	15,6	2,1	76,5
50 и старше	11,4	24,8	36,2	34,3	7,6	102,9
<i>Тхай</i>						
18—29	80,1	8,6	1,3	15,9	—	25,8
30—49	63,4	12,5	6,2	28,6	2,7	50,0
50 и старше	20,0	18,9	10,0	60,0	2,2	91,1
<i>Мьонг</i>						
18—29	91,8	2,3	1,7	9,4	1,2	14,6
30—49	71,9	3,5	8,2	25,1	1,2	38,0
50 и старше	47,4	7,0	7,9	46,5	1,7	63,1

тате в одних случаях традиционные факторы преобладали над современными (например, у тай в 1,3, а у нунг — в 1,7 раза), а в других, наоборот, воздействие школьно-учебных факторов стало гораздо весомее, чем совокупное влияние всех остальных (коммуникативных) факторов (у тай в 1,3, у мьонг почти в 2 раза).

И, наконец, у молодежи невьетских народов преобладание школьного фактора над остальными стало бесспорным и всеобщим (см. табл. 4).

Можно полагать, что зародившаяся у среднего поколения (30—49 лет), а также у молодежи (18—29 лет) в годы ее социализации тенденция качественной перестройки факторов, предопределяющих судьбу национально-вьетского двуязычия, последовательно усиливалась. И именно в жизни среднего поколения, т. е. в 40—50-е годы, четко обозначился переход к организованному, целенаправленно управляемому

воздействию школьного фактора на распространение вьетского языка среди невьетских народов.

Естественно, возникают вопросы: сколько времени потребовалось для такой перестройки? Какое десятилетие стало решающим в переходе от стихийности и неорганизованности к осознанному руководству современными этноязыковыми процессами в СРВ? Для ответа на эти принципиальные вопросы снова обратимся к «школьной биографии» каждого поколения, с тем, чтобы определить место и значение школьного фактора в развитии двуязычия у невьетских народов.

Даже самые «молодые» из старшего поколения, т. е. те, кому в 1981 г. уже исполнилось 50 лет, теоретически могли начать заниматься в первом классе не раньше 1937 г. и закончить первые три класса к 1940 г. В целом же школьный возраст пожилого поколения наших современников относится к 20—30-м годам. В то время редко кому из них довелось сесть за школьную парту. Самих школ, как известно, в горных районах почти не было. Представителям национальных меньшинств еще в большей мере, чем вьетам, был затруднен доступ в школы.

Незначительная группа лиц пожилого возраста, которым школа 20—30-х годов не дала знания вьетского языка, научилась читать и писать по-вьетски позднее, уже после Августовской революции, в ходе успешного претворения в жизнь предпринятой под руководством Коммунистической партии кампании по ликвидации неграмотности. Так, например, за период между 1945 г., когда правительство ДРВ обнародовало декреты об организации движения по борьбе с неграмотностью, и до начала Первой войны Сопrotивления грамотой овладело около 2,5 млн. человек. Важную роль в этом сыграла деятельность Управления всенародного обучения, в частности создание в большинстве деревень одногодичных классов для неграмотных, активное обучение широких народных масс грамоте и письменно-литературной форме вьетского языка. Претворялись в жизнь сформулированные Хо Ши Мином вдохновляющие лозунги: «Каждый грамотный обучает неграмотного», «Надо учиться всеми способами в любое время, в любой обстановке»⁴.

Итак, в 20—30-е годы основным был коммуникативный способ «изучения» вьетского языка (см. табл. 4).

В складывании современной этноязыковой ситуации в горных районах Северного Вьетнама, в формировании тенденций этноязыковых процессов среди национальных меньшинств чрезвычайно важную роль сыграли 40—50-е годы.

Несколько округляя, можно полагать, что эти годы были «школьными» годами того среднего поколения, которому в начале 80-х годов было 30—49 лет. Преобладание школьного фактора над всеми остальными факторами, способствующими приобщению невьетов к вьетскому языку, проявилось уже как устойчивая тенденция (см. табл. 4).

Возрастание роли школы в распространении вьетского языка среди национальных меньшинств Северного Вьетнама явилось закономерным следствием коренных преобразований системы школьного обучения, проведенных в 50-е годы. Важно подчеркнуть, что, несмотря на крайне тяжелое положение, в котором находилась страна, параллельно с вопросом о совершенствовании преподавания вьетского языка решались вопросы развития общественных функций родных языков национальных меньшинств, что создавало благоприятный психологический климат межнациональных отношений, который, в свою очередь, играл позитивную роль в приобщении невьетов к вьетскому языку.

Заметно активизировалась роль школы как фактора распространения вьетского языка среди национальных меньшинств в конце 50-х годов, в частности после завершения в 1958 г. кампании по ликвидации

⁴ Цит. по: Шмелева Г. В. Очерки культурного строительства в Демократической Республике Вьетнам. М.: Наука, 1976, с. 15—16. См. также: Демократическая Республика Вьетнам. 1945—1960. М., 1960, с. 187.

Динамика численности школ, учителей и учащихся в северных провинциях Вьетнама в 1960—1975 гг. *

Год	Школ (тыс.)			Учителей (тыс.)			Учащихся (тыс.)		
	всего	из них в горных районах		всего	из них в горных районах		всего	из них в горных районах	
		число	%		число	%		число	%
1960	7,0	2,1	30,0	44,4	7,1	16,0	1899,6	206,6	10,9
1965	10,2	3,0	29,4	80,4	14,6	18,2	2934,9	352,7	12,0
1975	11,6	3,3	28,4	168,6	31,3	18,6	5151,5	794,4	15,4

* Таблица составлена по материалам кн. «Новейшая история Вьетнама»/Отв. ред. Мхитарян С. А. М.: Наука, 1984, с. 113. Расчеты произведены автором.

неграмотности основной массы населения страны, и в начале 60-х годов в связи с введением всеобщего подготовительного обучения для детей дошкольного возраста⁵. Но это уже другой этап — этап 60—70-х годов, когда наиболее активно формировались этноязыковые характеристики молодежи, тех, кому в начале 80-х годов было 18—29 лет. Это новое поколение, в составе которого резко сократилась доля неграмотных, умеющих только читать и писать, и доля лиц с начальным образованием. Школьный период для большей части молодежи, имеющей сейчас образование в основном в объеме от 3 до 7 классов, падает на 60-е и первую половину 70-х годов. Как раз в эти годы, можно сказать, завершилась перестройка в соотношении факторов, формирующих экстенсивное развитие этноязыковых процессов. Это произошло благодаря дальнейшему повсеместному распространению вьетского языка среди невьетских народов через систему школьного образования. Школьный фактор стал «весомее» остальных факторов (см. табл. 4). Таким образом, обобщенная картина этноязыковых процессов среди молодежи 80-х годов со всей очевидностью свидетельствует о том, что в 60—70-е годы преобладание школьного фактора в формировании национально-вьетского двуязычия стало практически необратимым.

В целом за 15 лет между 1960—1975 гг. общее число школ в Северном Вьетнаме возросло в 1,7 раза, в том числе в горных районах — в 1,6 раза; численность учителей увеличилась соответственно в 3,8 и 4,4 раза, учащихся — в 2,7 и 3,8 раза (см. табл. 5).

Осуществление курса партии на последовательное сближение уровней образования малых народов и вьетов привело к важным изменениям в распределении школ и учителей между равнинными и горными провинциями (см. табл. 5).

Забота о повышении эффективности школьного обучения в горных районах Северного Вьетнама особенно наглядно проявляется в комплектовании там школ преподавательскими кадрами. Так, например, если на одного учителя в 1960 г. в целом по стране приходилось около 43 учеников, то в горных районах — всего 29, в 1965 г. соответственно 36 и 24, в 1975 г. — 30 и 25 учеников (см. табл. 5).

Общие успехи, достигнутые в результате создания основы социалистической системы образования в стране, в конечном счете обусловили возрастание роли самой школы в распространении вьетского литературного языка среди невьетских народов.

В настоящее время благодаря целенаправленной деятельности КПВ созданы условия для удовлетворения потребностей невьетских народов в овладении вьетским языком — языком межнационального общения. Тенденцию перехода от широко бытовавших в прошлом факторов ком-

⁵ Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока. М., 1971, с. 237.

Осознание потребности в знании второго (вьетского) языка национальными меньшинствами северных провинций СРВ (по данным этносоциологического опроса, в %)

Народ, возрастные группы (лет)	Для удовлетворения каких потребностей особенно важно знание второго (вьетского) языка									
	коммуникативных	в повышении уровня культуры				читать, слушать радио, смотреть телепередачи	трудовой деятельности и повышения благосостояния			эмоционально-психологических; приобрести новых друзей
		всего	в том числе		всего		в том числе			
			получение знаний	получение образования			выйти хорошую работу	повысить материальное благосостояние		
<i>Тхай</i>	62,2	80,8	40,1	40,7	26,6	29,5	13,3	16,2	12,1	
в том числе:										
18—29	59,7	84,9	38,7	46,2	28,0	31,7	14,5	17,2	14,5	
30—49	60,7	87,6	44,5	43,1	28,5	30,6	10,9	19,7	9,5	
50 и старше	66,2	70,7	37,9	32,5	23,5	25,9	13,9	12,0	11,4	
<i>Мыонг</i>	61,6	74,6	35,8	38,8	28,7	33,3	14,8	18,5	6,9	
в том числе:										
18—29	57,5	82,2	38,5	43,7	31,6	37,9	16,4	21,2	6,3	
30—49	62,1	70,1	33,3	36,8	29,3	35,0	17,2	17,8	7,5	
50 и старше	65,7	71,4	35,7	35,7	24,5	25,2	9,8	15,4	7,0	

муникативного плана к преобладанию учебно-педагогических факторов не следует переоценивать. В сочетании со всей совокупностью объективных условий школы, конечно, в значительной мере ускоряет прогрессивное развитие современных этноязыковых процессов. Однако по мере того, как растет «нагрузка» школы, увеличивается и ее «ответственность» за судьбу национально-вьетского двуязычия, а вместе с тем и за судьбу социально-культурного развития национальных меньшинств и новой межнациональной общности — вьетнамского народа. Но поскольку школьный и коммуникативный факторы действуют не изолированно друг от друга, возникает практическая необходимость целенаправленного стимулирования не только повышения языковой компетенции, но и собственно речевой деятельности. Следовательно, забота должна проявляться как о постоянном совершенствовании школьного фактора, играющего решающую роль в повышении языковой компетенции, так и о коммуникативных факторах, стимулирующих речевую деятельность национальных меньшинств, прежде всего в сфере производственной, общественно-политической и культурной.

Для того чтобы национально-вьетское двуязычие стало в СРВ действительно массовым, общенародным явлением, надо, разумеется, чтобы действовали не только внешние по отношению к самому человеку факторы. Очень важно, чтобы проявлялись и встречные, внутренние мотивы, идущие от самого человека, от его осознания потребности знать и использовать наряду с языком своей национальности и инациональный язык. Словом, надо, чтобы овладение языком межнационального общения стало внутренней, глубоко осознанной потребностью каждого представителя невьетской национальности.

Формирование осознания такой потребности достигается в том случае, когда второй язык действительно служит полезным и незаменимым средством удовлетворения не только таких жизненно важных запросов человека, как, например, поиск интересной работы, повышение материального благосостояния, но и многих других, в том числе культурных, коммуникационных, эмоционально-психологических.

Одной из ярких черт межнациональных отношений и современных этноязыковых процессов, в том числе добровольного приобщения национальных меньшинств к вьетскому языку, стало убеждение в необходимости знания этого языка. В самом деле, почти каждым двум из трех представителей народа тхай, более чем половине всех мыонг, по их соб-

ственным мнению, вьетский язык нужен для осуществления коммуникаций (см. табл. 6).

Особая ценность владения вьетским языком осознается национальными меньшинствами в связи с тем, что он позволяет им удовлетворять культурные запросы. Не удивительно, что каждые четверо из пятерых тхай указали, что вьетский язык помогает им повысить образование и продолжать систематическое пополнение своих знаний. Аналогичные ответы были получены и от мыонг (см. табл. 6).

В процессе коренной культурно-идеологической перестройки, являющейся неразрывной частью культурной революции, происходящей во Вьетнаме в переходный к социализму период, широкие народные массы все активнее приобщаются к ценностям художественной культуры вьетского и всех остальных народов СРВ. Этому в значительной мере помогает неуклонное расширение и глубокое укоренение навыков чтения, слушания радио и просмотра телепередач. Чрезвычайно важное значение приобретает установка и деятельность самой личности, формирование ее мировоззрения, ее готовность и способность плодотворно, сознательно и творчески участвовать во всех сферах жизнедеятельности, включая экономику, политику, социальные и межнациональные отношения, культуру. Неотъемлемой составной частью этой «готовности» в свою очередь выступает владение и широкое использование вьетского языка. Закономерно, что 26,6% тхай и 31,6% мыонг ответили, что считают для себя полезным знать вьетский язык для того, чтобы читать разнообразную литературу, воспринимать необходимую информацию из радио- и телепередач; еще 29,5% тхай и 37,6% мыонг заявили, что зная вьетский язык, можно скорее подыскать хорошую работу, а также иметь дополнительную возможность повышать свое материальное благосостояние (см. табл. 6).

Выявление установок на знание вьетского языка у национальных меньшинств СРВ, разумеется, не сводилось к тому, чтобы количественно «взвесить» роль вьетского языка в удовлетворении тех или иных конкретных потребностей. Цель заключалась в том, чтобы определить межнациональные, а еще в большей мере межпоколенные различия в отношении национальных меньшинств к вьетскому языку как языку межнационального общения.

Результаты исследования показали, что потребность знать вьетский язык является глубоко и всесторонне осознанным долгом граждан невьетской национальности СРВ. С точки зрения решения управленческих задач, знание указанной установки, степени ее распространения среди различных групп населения, вне всякого сомнения, представляется фактом первостепенной важности.

Приведенные в табл. 6 данные свидетельствуют о том, что осознание социальной эффективности вьетского языка сходным образом проявляется и у тхай и у мыонг (см. табл. 6). Владение вторым языком осознается национальными меньшинствами СРВ одновременно и как право, и как долг. В этом заключены, во-первых, неразрывная связь и диалектическое единство национального и интернационального (языка своей национальности и вьетского языка), выступающее основой формирования и функционирования национально-вьетского двуязычия, во-вторых, связь и единство между правом всех невьетских народов изучать и пользоваться вьетским языком и долгом овладеть им и хорошо знать его. Напомним, право и одновременно долг всех граждан СРВ изучать и использовать вьетский язык и вьетскую письменность зафиксированы в документе № 53 от 22 февраля 1980 г. Правительственного Совета СРВ⁶. Это постановление, как известно, готовилось и было обнародовано в то время, когда в СРВ завершилось всенародное обсуждение опубликованного 15 августа 1979 г. проекта Новой Конституции, принятой Национальным Собранием СРВ в 1980 г. Названное положение о вьетском

⁶ См.: Хоанг Туе, Нгуен Ван Тай, Хоанг Ван Ма, Лун Ван Пао, Буи Кхань Тхе. Указ. раб., с. 99—104.

языке (по духу, если не по букве), находится в одном ряду с подобными статьями Конституции. В некоторых из них, как уже подчеркивалось в советской литературе⁷, право граждан выступает одновременно и как их обязанность, например, в статьях 58-й («Труд является первоочередным правом и обязанностью, делом чести каждого гражданина»)⁸, 60-й («Учеба является правом и обязанностью граждан»)⁹ и 77-й («Защита Социалистического Отечества есть священный долг и высшее право граждан»)¹⁰.

Итак, знание вьетского языка — языка межнационального общения — сегодня не только социальная потребность, но и глубоко укоренившаяся и всесторонне осознанная внутренняя потребность невьетских народов СРВ. Такое совпадение общественного и личного составляет основу эффективного проявления факторов современных этноязыковых процессов, служит залогом успешного развития и функционирования национально-вьетского двуязычия в массовых масштабах.

⁷ Новейшая история Вьетнама. М.: Наука, 1984, с. 321.

⁸ Конституция Социалистической Республики Вьетнам. Принята Национальным Собранием СРВ 18 декабря 1980 г. М.: Юрид. лит., 1982, с. 32.

⁹ Там же, с. 33.

¹⁰ Там же, с. 36.

О. Ю. Артемова, Ф. Роуз

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ: НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВА

В последние годы в советской печати появился ряд работ, посвященных в основном или в значительной мере современному этническому и социально-политическому развитию аборигенов Австралии, в частности развернувшейся с конца 60-х — начала 70-х годов борьбе коренных австралийцев за права на землю¹. Сравнительно недавно в журнале «Сов. этнография» была опубликована работа Ф. Роуза и Б. Шепс «Борьба австралийских аборигенов за земельные права...» (1985, № 1), где изложение и анализ событий доведены до 1981 г. Предлагаемая теперь статья имеет главной целью осветить наиболее существенные изменения, которые произошли в жизни аборигенов Австралии в последующие годы. Однако предварительно необходимо суммировать и отчасти дополнить сведения, содержащиеся в предшествующих публикациях.

Во время последней общеавстралийской переписи населения (декабрь 1981 г.) 159 897 человек назвали себя аборигенами Австралии и островов Торресова пролива. Среди них чистокровные аборигены составляют около 40 тыс. человек².

Большая часть чистокровных коренных австралийцев сосредоточена в удаленных от основных культурных центров и малонаселенных районах Северной Территории, Западной и Южной Австралии и в северо-восточном Квинсленде. Большая часть метисов — в густонаселенных и экономически развитых районах юга, юго-востока и юго-запада страны.

¹ Роуз Ф. Аборигены Австралии. Их прошлое и настоящее. М.: Наука, 1981; Мид-длтон Х. Теперь пусть нам вернут землю. М., 1983; Артемова О. Ю. Прошлое и настоящее коренных австралийцев. — Расы и народы, вып. 10. М.: Наука, 1980; Раззакова Э. И. Борьба аборигенов Северной Территории Австралии за земельные права и проблема урана. — Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография. М.: Наука, 1981; *е* же. «Децентрализованные общины» австралийских аборигенов (70-е — начало 80-х годов XX в.). — Актуальные проблемы развития Австралии и Океании. М.: Наука, 1984; Кабо В. Р. Аборигены Австралии. — Вопросы истории, 1984, № 6.

² Aborigines in Australia Today. Canberra, 1982, p. 4.